Фольклор и антропология города, Т. 7. N. 4. 2025
Тип публикации: Статья
EDN: EBFHFO

(Не)опасное наследие: как в тематике экскурсий отражаются процессы культурной апроприации (на примере Калининградской области)

АННА ВЛАДИМИРОВНА СТРЕЛЬНИКОВА [1], [2]

✉ astrelnikova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-1131-4358

СОФЬЯ ДМИТРИЕВНА КАЛИНЫЧЕВА [1]

✉ sdkalinycheva@edu.hse.ru
[1] Высшая школа экономики, Москва, Россия
[2] Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Стрельникова, А. В., Калинычева, С. Д. (2025). (Не)опасное наследие: как в тематике экскурсий отражаются процессы культурной апроприации (на примере Калининградской области). *Фольклор и антропология города, 7*(4), 18–44.

В статье рассматриваются процессы культурной апроприации — присвоения артефактов, форм культурного самовыражения и других элементов чужой культуры, включая различные формы адаптации наследия и его вписывания в повседневный контекст. На примере Калининградской области показано, как непростые отношения с немецким культурным наследием влияют не только на работу городских активистов, связанную с сохранением и реставрацией объектов, но и на экскурсионную деятельность. Авторы приходят к выводу о том, что на фоне высокого туристического потенциала региона наблюдается множество конфликтующих моделей восприятия немецкого наследия. Городские экскурсии, в определенной мере, способствуют апроприации культурного наследия, формируя удобные для восприятия контексты. В частности, можно обнаружить не только фокусировку экскурсионных бюро и частных экскурсоводов на средневековой истории и истории воинской славы, но также появление различных досуговых форматов, в которых городские фасады становятся привлекательными декорациями без прямых отсылок к историческим событиям. Возможные последствия подобного адаптированного формата — утрата целостного, объективного восприятия истории региона, без перекосов как в сторону идеализации немецкого наследия, так и в сторону его демонизации. С недавнего времени популярность приобретают и более нишевые экскурсионные маршруты и сюжеты, которые раскрывают историю региона во всем многообразии его культурных и исторических слоев. Такая модель апроприации непосредственно связана с практиками заботы о памятниках, их сохранения активистами и демонстрации как эстетически привлекательных и социально вовлекающих объектов. Туристический продукт отражает изменения вкусов, представлений об аутентичности и способов ее демонстрации и, в целом, стратегии апроприации как таковые.

Ключевые слова: культурная апроприация, городское наследие, туризм, экскурсия, Калининградская область, городское пространство

Дата поступления в редакцию: 05.10.2025
Дата рецензирования: 20.10.2025
Дата принятия к публикации: 19.11.2025
© А. В. Стрельникова, С. Д. Калинычева

Urban Folklore & Anthropology V. 7. N. 4. 2025
Publication type: Article
EDN: EBFHFO

(Non)dangerous heritage: How the themes of city tours reflect processes of cultural appropriation (a case study of the Kaliningrad region)

ANNA V. STRELNIKOVA [1], [2]

✉ astrelnikova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-1131-4358

SOFIA D. KALINYCHEVA [1]

✉ sdkalinycheva@edu.hse.ru
[1] HSE University, Moscow, Russia
[2] Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

For citation:
Strelnikova, A. V., Kalinycheva, S. D. (2025). (Non)dangerous heritage: How the themes of city tours reflect processes of cultural appropriation (a case study of the Kaliningrad region). *Urban Folklore & Anthropology, 7*(4), 18–44. (In Russian).

The article examines the processes of cultural appropriation — the adoption of artifacts, forms of cultural expression, and other elements of a foreign culture, as well as various modes of adapting heritage and integrating it into everyday life. Using the example of the Kaliningrad region, it is shown how complex relations with German cultural heritage influence both the work of urban activists engaged in preserving and restoring historical sites and the organization of city tours. The authors come to the conclusion that, despite the region's high tourism potential, there are many competing ways of perceiving German heritage. City tours, to some extent, facilitate the appropriation of cultural heritage. In particular, one can observe not only a focus by tour agencies and private guides on medieval history and narratives of military glory, but also the emergence of various leisure formats in which city facades become attractive backdrops without direct references to historical events. Such adaptations may lead to a fragmented or distorted understanding of the region's history, avoiding both idealization and demonization yet lacking a holistic perspective. Recently, more niche excursion routes and stories that reveal the history of the region in all the diversity of its cultural and historical layers have become popular. This model of appropriation is directly related to the practices of caring for monuments, their preservation by activists and their presentation as aesthetically appealing and socially engaging objects. The tourism product reflects shifting tastes, changing notions of authenticity and its display, and more broadly the overall strategy of appropriation.

Keywords: cultural appropriation, urban heritage, tourism, excursion, Kaliningrad region, urban space

Туристический потенциал Калининградской области является неизменно высоким: города данного региона в последние годы попадают в топ-10 и даже топ-5 мест, наиболее востребованных среди туристов, а в 2025 году Калининград стал самым быстрорастущим направлением внутреннего туризма[1]. Для повышения туристической привлекательности реставрируются и реконструируются как отдельные объекты культурного наследия (например, замки Тапиау и Нойхаузен), так и целые городские улицы, архитектурные ансамбли.

Рост интереса к наследию Калининградской области порождает дискуссию о смыслах, границах и формах обращения с многослойным прошлым, в том числе о роли немецкого наследия в регионе, которое присутствует в материальной форме от брусчатки и черепицы до малых и больших архитектурных форм и ансамблей. Эта дискуссия является культурно и политически нагруженной и отражает расхождения в восприятии исторической среды между различными акторами, предопределяет существующую конфликтность и несогласованность политики по сохранению наследия [Калинычева 2024]. В то же время, немецкое прошлое является не только источником локальной идентичности, но и объектом рыночного обращения. Через брендинг, реставрационные проекты и туристические маршруты оно включается в экономику впечатлений, где подлинность уступает место визуальной привлекательности и потребительскому опыту. Можно предположить, что сохранение наследия и коммодификация выступают взаимодополняющими формами освоения «чужого» прошлого — символически, эмоционально и материально. Таким образом, в центре настоящего исследования — вопрос о том, как в Калининградской области немецкое архитектурное наследие превращается из «чужого» в «свое», становясь объектом символического присвоения и переосмысления, в том числе для потребителей туристического продукта. Мы предполагаем, что притязания различных акторов проявляются не только в особенностях интерпретации прошлого, но и в способах трансляции таких интерпретаций для широкой аудитории, своеобразного экскурсионного «канона».

В качестве аналитической рамки мы выбираем концепцию культурной апроприации, понимаемую как «процесс присвоения артефактов, форм культурного самовыражения и других элементов чу-

[1] https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24118487-kaliningrad-zanyal-chetvyertoe-mesto-po-vostrebovannosti-u-turistov-v-2025-godu.html; https://lenta.ru/news/2025/02/21/perelet/

жой культуры, включая различные формы адаптации наследия и его встраивания в гомогенный и упрощенный повседневный контекст» [Калинычева 2025; также см.: Rogers 2006]. Культурная апроприация может иметь разнообразные мотивы — от экономической выгоды и идеологического давления до формирования идентичности, социальной интеграции и потребности в объяснении непонятного [Lutz 1990; Huck, Bauernschmidt 2012]. Культурная апроприация, в отличие от более нейтральных концептов аккультурации или ассимиляции, предполагает не смешивание и взаимодополнение культур, а более конкурентный и травматичный опыт принятия иной культуры, изначально подвергшейся девалоризации и табуированию. Концепция культурной апроприации предполагает наличие нескольких культур. В контексте Калининградской области одна из культур — немецкая — находится в подчиненном положении и предположительно подвергается дискриминации.

Следует отметить, что апроприация наследия в Калининградской области не является однородным, линейным процессом. Скорее речь идет о последовательных этапах — от агрессивного присвоения и символического изгнания всех форм «немецкого» до мягких форм адаптации и творческой реинтерпретации. Подобную динамику описывает Беата Халика в своем исследовании польских территорий бывшей Восточной Пруссии, где первый этап характеризуется вытеснением «чужого» прошлого, а второй — попыткой сделать его своим, «креативно апроприировав» [Halicka 2020]. Аналогичный сдвиг наблюдается и в калининградском контексте, где советский период задает жесткий идеологический режим присвоения, а постсоветский — более гибкий и интерпретативный.

Применение понятия культурной апроприации к калининградскому кейсу дополняет традиционные для memory studies подходы. Оптика апроприации позволяет увидеть, как процессы символического присвоения и переупаковки прошлого формируют память и мифологию региона. Как отмечает Алейда Ассман, миф — это форма аффективного усвоения истории [Ассман 2014], а наследие — способ «увековечить преходящее» [Бауман 2008]. В советские годы миф об «изгнании врага» обеспечивал легитимацию разрушения немецкого, а в постсоветское время миф о «европейской земле» стал инструментом формирования новой идентичности. Оба мифа, в сущности, служили оболочками для разных форм культурной апроприации. В отличие от таких понятий, как «культурная травма» [Alexander 2004] или «постпамять» [Hirsch 2008], фокусирующихся на трансляции опыта и закреплении коллективных нарративов, концепт апроприации акцентирует внимание на властных и символических механизмах перераспределения культурных значений. Он позволяет рассматривать наследие не только как объект памяти, но и как ресурс идентичности и инструмент культурной политики.

Методы и данные

В статье мы опираемся на материалы авторского исследования, реализованного в 2024–2025 годы и посвященного анализу культурной апроприации немецкого наследия как способа репрезентации прошлого и конструирования образов будущего жителями Калининградской области. Материалы исследования раскрывают достаточно широкий диапазон тем, и для целей данной статьи мы фокусировались на работе с теми данными, которые позволяют проанализировать аспекты символического присвоения и переосмысления наследия, в том числе для потребителей туристического продукта.

Смешанный дизайн исследования включал (1) серию полуформализованных интервью с жителями и активистами семи городов и поселков Калининградской области (всего 18 интервью, из которых 14 — с активистами и 4 — с горожанами, не вовлеченными в охрану наследия), (2) контент-анализ региональных и федеральных СМИ за период с 2019 по 2024 годы (99 источников); (3) контент-анализ экскурсионных продуктов, представленных в Калининградской области (2025 год, 50 описаний экскурсий, как институционализированных, например, от Калининградского бюро путешествий и других туроператоров, так и авторских, предлагаемых частными лицами на туристских платформах-агрегаторах).

Каждый из методов был последовательно нацелен на поиск культурных паттернов, установок, образов и смыслов, которые конструируются в текущем социокультурном контексте. При формировании выборки мы старались учесть гетерогенность объекта изучения, в том числе его территориальное и социально-демографическое разнообразие (географическое расположение, плотность исторической застройки и другие параметры). Смещенность выборки в сторону городских активистов связана с нашим стремлением обнаружить прежде всего «авторизованные дискурсы» [Smith 2006]. Лораджейн Смит и другие представители критической теории наследия полагают, что «авторизованность» придается теми представителями сообщества, которые способны формировать смыслы и значения для широкой аудитории, в то время как рядовые горожане воспроизводят «неавторизованные» дискурсы. В рамках настоящего исследования к активистам были отнесены: участники системных объединений и организаций по защите наследия (от общерегиональных движений по спасению наследия, например, «Хранители руин», до локальных объединений вроде организации жителей исторического района Ратсхоф в Калининграде); одиночные активисты или их объединения, регулярно ухаживающие за объектами наследия (в том числе приобретшие их, занимающиеся их ревитализацией, осуществляющие мониторинг состояния объектов наследия); сотрудники специализированных органов по охране объектов наследия;

историки-сотрудники музеев, посвященных немецкой истории города (в том числе краеведческих музеев и других исторических музеев); краеведы, занимающиеся просветительской и экскурсоводческой деятельностью. Список информантов формировался комбинированным методом: через открытые источники (сообщества в соцсетях, публикации в СМИ) и по принципу «снежного кома». Важную роль в формировании выборки активистов сыграли лидеры локальных сообществ, обладающие широкой сетью контактов. Что касается местных жителей, не являющихся участниками вышеперечисленных активистских инициатив, то их отбор проводился через адресные приглашения в городских онлайн-сообществах. Изучение данного сегмента выборки (местных жителей) мы планируем дополнить в своих последующих исследованиях.

Большая часть всех интервью проводилась очно, в ходе экспедиции, и часть — онлайн. С участниками исследования оформлялось информированное согласие. В ходе обработки данных анонимизировались все сведения, которые могли бы идентифицировать участников или их окружение. Записи интервью были транскрибированы с использованием автоматических сервисов с последующей ручной проверкой. В качестве метода анализа данных интервью использовалось тематическое кодирование.

Материалы региональных и федеральных СМИ за период с 2019 по 2024 годы отбирались по ключевым словам, связанным с немецким наследием («немецкое наследие», «прусское», «немецкое» и др.), и в процессе кодификации заносились в таблицу, содержащую параметры публикации, темы, ключевые слова, тип источника и краткое содержание. Описания экскурсионных продуктов, представленных в Калининградской области, также заносились в таблицу, содержащую параметры экскурсии (кем она предлагается, тематика, наличие отзывов, указание авторов экскурсии на популярность данной экскурсии и др.).

Прошлое Калининградской области в контексте апроприации

Восточная Пруссия в XIX и XX веках иногда последовательно, а порой противоречиво подвергалась пересборке как специфический фронтирный регион и контактная зона между разными культурами. Наследие этой области имеет не один культурный слой, поэтому сведение всего историко-архитектурного богатства региона к немецкой культуре является достаточно грубой редукцией. Во-первых, лаконичная и функциональная архитектурная традиция Восточной Пруссии стилистически отличалась от исторических памятников западной Германии. Во-вторых, особое влияние оказывала балтийская и польская культуры. Однако именно редук-

ция к обобщенному немецкому прошлому сделала возможной тотальную символическую и физическую «пересборку» региона после окончания Второй мировой войны. Историк Юрий Костяшов называет этот период «изгнанием прусского духа»: немецкие кирхи и поместья разбирали на кирпичи, в церквях устраивали зернохранилища, на месте руин строили многоэтажное жилье, сменялись топонимы и возводились новые памятники [Костяшов, Маттес 2003]. Культурная апроприация наследия, выражающаяся преимущественно в замене немецкого на советское, привела к тому, что многие функциональные находки немцев были утрачены.

В ходе послевоенного восстановления Калининград превратился в образцовый советский областной центр с широкими проспектами, хрущевками и модернистскими зданиями. Историческое прошлое сохранялось преимущественно на окраинах — в районах вроде Амалиенау и Ратсхофа, в городских парках и отдельных немецких домах. Неудивительно, что коренные калининградцы с большой сложностью воспринимали городскую среду вокруг как историческую, особенно если их детство проходило в спальных районах, лишенных выраженных историко-архитектурных деталей.

Расхожий нарратив, к которому информанты-калининградцы переходили в ходе большинства проведенных интервью — это путешествие по Калининградской области и удивление от обнаруженного немецкого наследия: руинированного, находящегося в аварийном состоянии или разрушенного до фундамента. Руины кирх и замков, остатки усадеб и заводов, захоронения немецких и российских воинов, погибших в Первую мировую войну, — все эти объекты вызывали особый интерес на контрасте со средой областного центра, лишенного аутентичности и призраков немецкого прошлого. Мишель де Серто называет «призраками» те объекты, которые были выведены из обихода в результате музеефикации и потеряли функциональное значение [де Серто 2010].

В целом путешествия по области и в соседние страны побуждают к исследованию исторического контекста и развитию визуальной чувствительности, а также к участию в активистских инициативах по сохранению наследия.

> Потом возможность появляется ездить по региону, ты видишь, что тут замки, тут кирхи какие-то, невероятные строения, необычно[2].
>
> В области у нас очень много сохранилось старого немецкого фонда ‹…› Эти здания, эта архитектура резко контрастируют по сравнению с советским наследием[3].

[2] М., 39 лет, активист, живет в Калининграде.

[3] М., 35 лет, активист, живет в Калининграде.

Контент-анализ показал, что региональные и федеральные СМИ воспроизводят институционализированные и оптимистичные нарративы о наследии как ресурсе развития, инвестиций и туризма, формируя эффект легитимации определенного типа наследия — обновленного, восстановленного, адаптированного к рынку и, в конечном счете, управляемого. При этом различение между стратегиями и тактиками использования наследия для локального и внешнего «потребителя» отсутствует. Апроприация реализуется в том числе через приспособление чужих культурных образцов, и в данном случае сохранение наследия рассматривается преимущественно через призму хозяйственной полезности, в частности, в контексте предлагаемого туристского продукта.

Немецкое наследие: неудобное и небезопасное?

Вытеснение немецкого прошлого и борьба с «германизацией» региона воплощаются через призывы перестать заниматься немецкой историей или открытую борьбу с конкретными активистами. Дискурс о «вражеском» немецком наследии в советское время поддерживался единогласно. После распада СССР популярность приобрели дискурсы об интеграции в общеевропейское пространство [Sezneva 2002; Sezneva 2013; Halicka 2020]. Информанты подчеркивают, что именно в период активного приграничного сотрудничества особенно явным стал «балтийский» характер наследия, эстетическая связь природных и архитектурных памятников побережья Балтийского моря.

После 2014 года популярность стали приобретать общенациональные дискурсы — именно в эти годы начинается критика излишней увлеченности местных жителей немецким наследием региона [Алимпиева 2014]. С этого времени особое место в медиаповестке занимает «борьба с германизацией» и уменьшение немецкого и литовского культурного присутствия в регионе.

Такая позиция в определенной мере влияет на работу городских активистов, связанную с сохранением и реставрацией объектов. Например, на волне антигерманистской риторики были демонтированы мемориальные доски (в Советске литовскому философу и драматургу Видунасу, немецкому поэту и писателю Максимилиану фон Шенкендорфу; в Калининграде немецкой поэтессе Агнес Мигель)[4], закрывались культурные центры (в том числе Немецко-Русский дом), осуждались инициативы по сохранению немецких объектов.

[4] https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24105176-v-sovetske-neplaniruyut-vozvrashchat-na-mesto-pamyatnye-doski-urozhentsam-tilzita-foto.html https://www.mk-kaliningrad.ru/articles/2015/12/24/v-kaliningrade-demontirovali-dve-memorialnye-doski-nemeckoy-poetesse.html

> И тут вдруг ты становишься предателем Отечества, потому что ты где-то что-то подмел, а там немецкий кирпич лежал. Очень странно, действительно, я помню эту растерянность. Это растерянность была, когда у тебя музей ‹…› непонятно как позиционировать, о чем говорить[5].

Особое значение для активистов имеет сохранение историко-архитектурных ансамблей. Так, например, длительное время калининградские активисты борются за немецкие постройки на Литовском валу, подчеркивая их «высокую связность и линейность» и значимость сохранения «гипотетического ансамбля»[6]. Утрата некоторых элементов ансамбля и их замена на советские постройки мешает целостному восприятию пространства.

Можно отметить, что реставрация немецкого наследия в Калининградской области движется по пути, в котором визуальный эффект преобладает над материальной подлинностью:

> Вот эта реставрация, когда здания так реставрируются, что непонятно, новодел это или действительно подлинное сооружение… Потому что многое делается на самом деле так, что становится по сути новоделом. Утрачивает ценность изначальную историческую[7].

То есть приятному глазу новоделу отдается преимущество перед невзрачной исторической постройкой. Активисты полагают, что подобная подмена не только может вводить в замешательство жителей региона и туристов, но также способствует тому, что обветшалым историческим памятникам туристы и многие горожане предпочитают реконструированную реплику — более яркую, фотогеничную и живописную.

Даже при высоком качестве работ, стремление к идеализированному образу прошлого ведет к его стилизации и утрате исторической фактуры. Немецкие постройки становятся призраками в городе, о которых говорил Мишель де Серто — объектами, невписанными в городской контекст [де Серто 2010].

> Недалеко от меня они поставили красивую дверь и зафигачили туда витраж по индивидуальному заказу ‹…› Но над дверью по историческим референсам, с красивым витражом, висит самый простой вот светильник из хозмага, там, за 250 рублей[8].

[5] Ж., 40 лет, активистка, живет в Зеленоградске.
[6] https://ruwest.ru/news/109830/
[7] М., 39 лет, активист, жил в Советске, последние 3 года живет в Белграде.
[8] М., 39 лет, активист, живет в Калининграде.

> Дом какой-то, может, и немецкий, в два, в три этажа, а рядом с ним стоит высотка в двенадцать этажей. И это очень сильно контрастирует и портит общее восприятие[9].

При этом ряд немецких объектов и вовсе лишается права на реставрацию. Считается, что военные ангары, заводы и водонапорные башни представляют невысокую ценность для инвесторов:

> Они все эти огромные немецкие ангары разобрали и распилили на металлолом ‹…› Вместо этого [сохранения ангаров] они пытаются ‹…› сделать вот эту Рыбную деревню, абсолютный новодел, фейк, не имеет никакой ценности[10].

Немецкое наследие в некоторых случаях является объектом для нападок: забота и уход за ним вызывают возмущение радикально настроенных местных жителей, а связь с «вражеским» прошлым воспринимается как неуместная:

> В советское время про немецкую историю не знали, а сейчас, наоборот, перебор именно с довоенной, с немецкой историей. И совсем забыли про то, что вообще-то вот какой ценой, какой кровью досталась эта земля нашей стране[11].

Показательна также позиция представителей органов региональной власти и подведомственных организаций относительно сохранения немецких вывесок и табличек: в отличие от архитектурного наследия, вывески и таблички на немецком языке не подлежат реставрации или воссозданию, что объясняется тяжелым прошлым региона и уважением к подвигу советского народа[12]. В ряде случаев немецкое наследие лишается какой-либо выраженной атрибуции и связи с прошлыми владельцами и жителями в целом:

> Это место не является немецким, оно является мировым примером, время прошло. То есть объект перестал существовать национально в тот момент, когда много национальностей ‹…› стали другие смыслы в него вчитывать[13].

[9] М., 35 лет, активист, живет в Калининграде.
[10] М., 41 год, не активист, проживал в Калининграде и Пионерском, последние три года живет в Германии.
[11] Ж., 57 лет, не активистка, живет в Советске.
[12] https://lenta.ru/news/2020/10/02/translate/
[13] Ж., 63 года, активистка, живет в Черняховске.

Культурная апроприация в экскурсионных продуктах Калининграда и Калининградской области

Наследие является частью городской среды, которая используется не только местными жителями, но и туристами. Наследие осваивается горожанами через проживание, прогулки, бытовое взаимодействие с городским пространством и становится гибридом: чем-то между музейным объектом и живой повседневностью. Как пишет Дарья Радченко, «передвигаясь по городу, пользуясь теми или иными учреждениями, проживая в старых домах, советчане оказываются одновременно и жителями Советска, и жителями Тильзита» [Радченко 2023: 32].

> Когда ты живешь среди этого богатства историко-культурного, когда ты ходишь по улицам мощеным, ты видишь везде эти артефакты, остатки цивилизации, и ты понимаешь, что у тебя непростой город, очень интересный судьбой, ты начинаешь в это погружаться, копать, откуда это, какая история этого места[14].

Если опыт горожан подразумевает повседневную погруженность в пространство, то опыт туриста характеризуется скорее калейдоскопичностью впечатлений. Туристское взаимодействие с наследием более краткосрочное и поверхностное, а объекты туристского притяжения могут смещаться в сторону более ярких, заметных. Популярность, наличие интереса к данному месту у других путешественников является определенным маркером успешности места [Vengesayi et al 2009].

Отметим, что популярность того или иного места конструируется различными акторами (в том числе представителями власти, работниками культурных институций, активистами, владельцами туристических компаний и авторами неофициальных путеводителей). При этом и сами туристы могут обладать насмотренностью, позволяющей увидеть неочевидную привлекательность тех или иных объектов, или же идти проторенными тропами, выбирая наиболее известные и популярные места. Насмотренность, или «визуальный порог вхождения», как выразилась информантка из Калининграда, непосредственно связаны как с опытом путешествий, так и со знанием о наследии, интересом к этой теме:

> У нас насмотренность в обществе, я не могу сказать, что очень какая-то изысканная, скажем так. У нас у многих людей не то чтобы нет вкуса, у многих людей просто нет насмотренности, и у туристов тем более[15].

[14] М., 39 лет, активист, жил в Советске, последние 3 года живет в Белграде.
[15] Ж., 30 лет, активистка, сотрудница музея, живет в Калининграде.

Критически никто не оценивает, потому что многое они видят в первый раз. Это тоже некоторая ограниченность. Возможно, ограниченность не всегда связана, возможно, с интеллектом, она может и с финансами просто быть связана. Когда люди никогда не видели мурала, вот они его увидели — и это классно[16].

Рис. 1. Советские дома, стилизованные под немецкие, Ленинский проспект в Калининграде. Фото Софьи Калинычевой
Fig. 1. Soviet-era buildings stylized as German on Leninsky Prospekt in Kaliningrad. Photo by Sofia Kalinycheva

Топ наиболее популярных экскурсий Калининградской области составляют обзорные экскурсии, где туристам предлагается осмотр всех «главных» достопримечательностей, относящихся к разным временным периодам и тематикам (казармы, церкви, скульптуры), и более узконаправленные тематически, но, как правило, включающие в себя комбинацию из нескольких локаций или активностей (например, Светлогорск — замок Шаакен — крафтовая сыроварня, Зеленоградск — крафтовая сыроварня, форты Кенигсберга)[17]. Топ частных экскурсий выстраивается из тематики легенд и раскрытия тайн («попасть в прошлое и понять культурный код Калининграда», «почувствовать дух минувших лет», «исследовать подземные туннели и тайные комнаты»). В целом сюжеты экскурсий, предлагаемые как туристическими агентствами, так и частными экскурсоводами, можно объединить в несколько больших групп: город как красивая декорация, история воинской славы и советской архитектуры, русская история в нерусском городе и различные нишевые

[16] Ж., 40 лет, активистка, живет в Зеленоградске.
[17] См., например: https://kbp-travel.ru/ekskursii/kaliningrad/

экскурсии. Аналогичные темы-паттерны прослеживались и в ходе анализа интервью. Рассмотрим их далее.

1. Город как красивая декорация: эстетика Средневековья, архитектурные стилизации и город-ярмарка

Исследователи отмечают, что идея декоративности наследия свойственна многим европейским городам, где после Второй мировой войны были воссозданы привлекательные (не всегда исторически релевантные) ансамбли [Люббе 2019: 77]. Дэвид Лоуэнталь объясняет этот феномен тем, что в послевоенный период на смену поддержания аутентичности пришла потребность в восстановлении городов такими, какими они были в воспоминаниях горожан, даже если для этого требовалось поступиться исторической достоверностью [Лоуэнталь 2004: 134–135]. Одной из причин тяги к новоделу, то есть к стилизации под старину (*Рис. 1, 2*), является учет потребностей массового зрителя (туристов и горожан): их привлекает скорее новизна, нежели руины [Ригль 2018].

В Калининградской области «восточнопрусский стиль» [Белинцева 2023] появился еще в 1990-х, но получил особое звучание в период постковидного туристического бума. Его отличает излишняя любовь к фахверку, «пряничным домикам», что не всегда соответствует аутентичной стилистической традиции. Избыточная стилизация на уровне архитектурного китча увязывается со стремлениями городских властей выглядеть так же, как популярные туристические центры в Европе [Sezneva 2013]:

> Дом начинал напоминать какую-то декорацию к дешевому кино. То есть он такой супер-ровный, даже какой-то пластмассовый получался, какие-то неестественные цвета, декор абсолютно дикий, которого там, как бы, не было и по стилистике не подразумевалось. Ну, то есть чистейшей воды, ну, клюква в лучшем случае, а в худшем — прям какая-то вот издевка[18].

Некоторые информанты говорят о европейскости [Радченко 2021], то есть ассоциируют подобную архитектуру с исторической средой европейских городов:

> Тоже в Железнодорожный приезжаешь… я все время говорю, что это Швейцария какая-то. Мне говорят: «Ты просто не была в Швейцарии». Я представляю ее примерно так: небольшие домики, аккуратненькие, да. В том, что они такие пряничные, почему это плохо?[19]

[18] М., 39 лет, активист, живет в Калининграде.
[19] Ж., 33 года, активистка, живет в Калининграде.

Также в интервью многие информанты воспроизводят эстетические фантазии о Средневековье: говорят о «готических улицах», «старинных замках», «средневековой атмосфере». Часто эти образы строятся на визуальных клише, стилизациях и фрагментах массовой культуры, где «средневековое — это стиль, эффект, настроение, вторичные образы, воплощенные в сюжетах книг, кино, в компьютерных играх и др. [Эко 1994]. Средневековье выступает как необычное, но в то же время понятное прошлое, к которому можно прикоснуться через знание, обряд, игру [Narvselius 2018]. Под влиянием данной эстетики даже восстановление исторических замков (например, Рагнит, Нойхаузен, Тапиау) превращается в реконструкцию (интересную и красивую), но не в реставрацию, причем с одобрения городских активистов:

> Это будет в любом случае элемент новодела. И, с другой стороны, почему бы и нет, если это будет красиво? Что здание приобретает все-таки новую жизнь[20].

> Его [замок Инстербург] надо или сделать, как он был, или сделать его наиболее интересным[21].

Иногда в нарративах всплывают сказочные, яркие образы из знакомых кинофильмов и мультфильмов, которые информант видит (или думает, что видит) в окружающей архитектуре:

> Примерно как ты смотришь… на то, как нарисован город в «Малыш и Карлсон», в мультфильме, эти крыши черепичные, и это смешалось именно со сказочностью. Ты эту архитектуру видел либо в детских книжках с картинками, с какими-то сказками. И вот этот эффект мне запомнился[22].

По мнению Стефана Бергера, для молодежи позднесоветского времени немецкий воображаемый город был способом сбежать от скучной действительности [Berger 2012]. «Готическая» немецкая история романтизировалась и стала основной для игровых реконструкций, причем эта практика сохранилась по настоящее время. Отметим, что интерес к фантазийному городу и средневековому антуражу восприняли не только реконструкторы и другие представители молодежной культурной сцены, но также и городские планировщики и экскурсоводы, подкрепляя ожидания туристов увидеть яркую, «европейскую» картинку.

[20] Ж., 30 лет, активистка, живет в Полесске.

[21] Ж., 63 года, активистка, живет в Черняховске.

[22] М., 41 год, не активист, проживал в Калининграде и Пионерском, последние три года живет в Германии.

Рис. 2. Рыбная деревня в Калининграде (2006–2010 годы постройки). Фото Софьи Калинычевой
Fig. 2. Fishing village in Kaliningrad (2006–2010). Photo by Sofia Kalinycheva

В экскурсиях данного типа прослеживается акцент на посещении «старого города» и на различных досуговых активностях, а в описании нередки такие категоризации, как атмосферность, загадочность. Городские объекты в этом случае становятся привлекательными декорациями без прямых отсылок к историческим событиям, могут быть подложкой и фоном для гастрономических и развлекательных практик, как, например, дегустации (сыра, марципана, шоколада и др.), квесты и погружение в мистический опыт (подземный город, готические легенды, ночной форт и др.) или же изменение ритма перемещения (катание на велосипедах, самокатах, мотоциклах, байдарках и сапах в ходе экскурсии). Такой тип апроприации наследия можно свести к эксплуатации образов старого европейского города, его выхолащиванию и упрощению.

2. История воинской славы и советской архитектуры

Советский период в истории Калининградской области связан с массовыми утратами историко-архитектурного наследия: причинами тому послужили как намеренные уничтожения, так и банальная небрежность. На смену прошлому пришло новое советское наследие — мемориалы солдатам Красной Армии, музеи воинской славы, социалистическая архитектура. Особый след события Великой Отечественной войны оставили и на карте города — в названиях городов и сел, улиц и районов.

Рис. 3. Экспозиция краеведческого музея города Советска. Фото Софьи Калинычевой
Fig. 3. Exposition of the Sovetsk museum of local history. Photo by Sofia Kalinycheva

Безусловно, в советское время основная тематика как музейных, так и уличных экскурсий была связана с военными подвигами. В краеведческом музее Калининграда лишь один зал был посвящен довоенной истории города — в первую очередь археологическим находкам прусского периода, а также славе русского оружия [Дементьев 2012, 2014].

На сегодняшний день советские экскурсионные сюжеты представлены более скромно. Активизация интереса к военной истории в связи с праздниками (9 Мая и другие памятные даты, связанные с Восточно-Прусской операцией) все же не говорит о том, что экскурсионные бюро и экскурсоводы тяготеют к военной истории края. В последние годы, однако, наблюдается рост интереса к советскому архитектурному и живописному наследию: экскурсоводы (особенно ориентированные не на массовые экскурсии, а на небольшие группы) включают в свои маршруты памятники советского периода, в том числе советские мозаики или памятники модернизма.

Для некоторых информантов особую ценность представляет менее известный советский архитектурный слой приморских городов, представляющий собой продуманное вплетение модернистской застройки в природный ландшафт:

> Светлогорск ‹…› был примером и образцом работы с курортной темой, с внимательным отношение к немецкому образу, и все это сделано старой школой советских градостроительных умов, которые искренне и по-честному пытались все это соединить, одно с

> другим ‹…› И опять же, все, что происходило со Светлогорском, как только начали появляться деньги — это планомерное изничтожение и советского слоя, который был крутым, потому что он был интегрирован и сделан с учетом окружающей среды, как мне кажется, и немецкого[23].

Стоит, однако, отметить, что переоценка советского наследия пока не конкурирует со всеобщей увлеченностью средневековой европейской эстетикой или с интересом к «русскому» (дореволюционному) наследию. Вместе с тем, ревалоризация советского прошлого и советского опыта может говорить не только о более углубленном изучении края и его историко-архитектурных богатств, но также и о том, что жители или гости региона хотят отыскать в артефактах и памятниках знакомые и привычные черты (*Рис. 3*). Такая модель апроприации представляет из себя диалог между культурами, скорее взаимообмен, нежели агрессивное вытеснение или эксплуатацию.

> И даже сам ведя свою группу, я вижу, что немецкий период, он, конечно, такой более аховый-оховый, если можно так выразиться. То есть люди смотрят: «О, вот это да, вот так было, сяк». А вот советский период уже, как бы, смотрят и… больше как-то пытаются вспоминать свой опыт, который проживали те люди, которые застали СССР, и больше этот опыт как-то пытаются кому-то, ну, с кем-то поделиться, то есть кому-то отправить, показать, что вот, смотри, там вот мой сосед на фотографии[24].

3. Русская история в нерусском городе

Под «русским наследием» в первую очередь подразумеваются те объекты и исторические события, которые демонстрируют связь региона с историей России дореволюционного периода. Примечательно, что именно эта непродолжительная история дипломатических отношений разворачивается не только в последовательные нарративы, но еще и в полноценные городские бренды. Так, например, экскурсии по городу Советску — как уличные, так и музейные — совершенно невозможно представить вне истории Тильзитского мира. Встреча Александра I и Наполеона Бонапарта в Тильзите становится ключевой для экскурсоводов, музейных работников и других активистов, которые увлекаются историей города. Конкуренцию этой поворотной в истории дипломатии встрече могут составить разве что гастрономические экскурсии с посещением сыроварни, где производится знаменитый «Тильзитер». Точно так же экскурсию по Калининграду и острову Канта невозмож-

[23] М., 41 год, не активист, проживал в Калининграде и Пионерском, последние три года живет в Германии.

[24] М., 19 лет, частный экскурсовод, живет в Гусеве и Калининграде.

но представить без фигуры философа, который, как непременно заметят экскурсоводы, был подданным российской короны. Таким образом, российское влияние на Восточную Пруссию представляет особый интерес для экскурсоводов.

> Если бы мы знали, что там [в Королевском замке в Кенигсберге] был самый большой зал в Кенигсберге, который назывался Московитым залом. Если бы мы знали, что первый российский император останавливался в Кенигсберге и что здесь ему был подарен Янтарный кабинет ‹…›. И вот таких моментов много в истории[25].

Настойчивое желание отыскать следы российского присутствия в регионе, однако, касается не только истории побед и завоеваний, но и менее заметной истории поражений. Так, например, один из информантов занимается мемориализацией погибших в Первой мировой войне на территории Восточной Пруссии. Военные мемориалы, посвященные не только немецким, но и российским солдатам, позволяют наладить эту связь между двумя противоборствующими мирами.

> Почему важно эти захоронения сохранять ‹…› те, кто погиб, им не все равно, и вот ты, там прибираясь, возвращаешь их из небытия. Вот, мне всегда казалось, что это еще какое-то назидание ныне живущим, чтобы они смогли увидеть, что может случиться такая катастрофа, и вот тысячи-тысячи людей погибших, чьих-то сыновей, чьих-то отцов, братьев. И они лежат по Калининградской области, раскиданные по полям, по лесам, в земле. И важно это сохранять, чтобы можно было привезти туристов, сказать, чтобы у них в голове что-то щелкнуло[26].

Наряду с экскурсиями по замкам, фортам и кирхам можно встретить рекламные объявления туров по православным святыням города (*Рис. 4*). По мнению Анны Алимпиевой, именно поддержка «традиционалистских ценностей» представляется основной стратегией федеральной власти, нацеленной на усиление символической связи анклавного региона с «центром» [Алимпиева 2014]. Однако в Калининградской области эта стратегия в экскурсионном направлении представлена довольно узко. По мнению экспертов, проекты, популяризирующие народную культуру и русские традиции, интересны прежде всего не соотечественникам, а зарубежным туристам, однако сейчас в регионе практически нет внешнего туризма[27].

[25] Ж., 67 лет, активистка, живет в Калининграде.

[26] М., 39 лет, активист, живет в Калининграде.

[27] https://kgd.ru/news/society/item/108698-tridevyatoe-carstvo-kak-v-regione-budut-razvivat-turizm-v-tradiciyah-russkoj-narodnoj-kultury

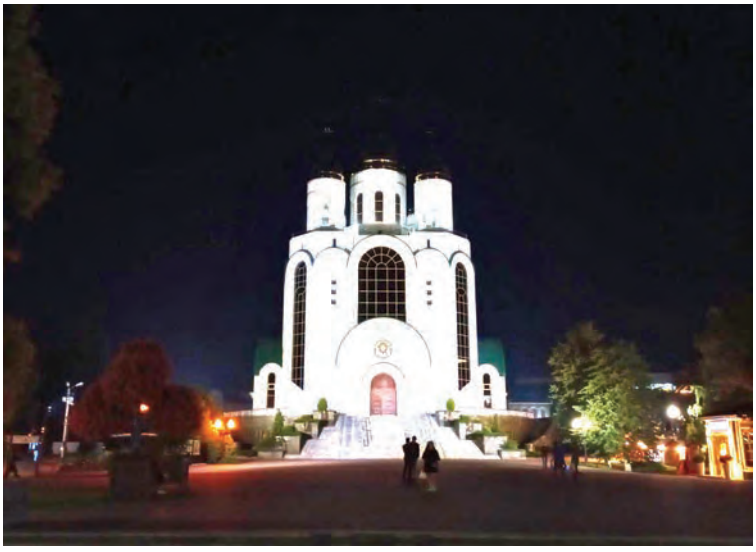

Рис. 4. Кафедральный собор Христа Спасителя в Калининграде (2004–2006, архитектор Олег Копылов). Фото Софьи Калинычевой
Fig. 4. Cathedral of Christ the Savior in Kaliningrad (2004–2006, architect Oleg Kopylov). Photo by Sofia Kalinycheva

Описанная модель апроприации предполагает выборочный интерес к чужому наследию постольку, поскольку оно имеет непосредственную связь с отечественной историей, а также позволяет выставить в лучшем свете носителей «русской культуры». Именно поэтому особый интерес представляют события Отечественной войны 1812 года или Семилетней войны, в ходе которой Восточная Пруссия в 1758 году временно стала российским генерал-губернаторством. Меньший интерес вызывают события Первой мировой войны, несмотря на то что ее следы остались в виде воинских захоронений и мемориальных комплексов.

4. Нишевые экскурсии: незнакомое брутальное наследие, прогулки по руинам и городская повседневность

По словам информантов, многие калининградцы не смогут правильно атрибутировать немецкие модернистские памятники. Серые коробки, украшенные непримечательным рустом, или громадные амбары легко путают с советской архитектурной традицией. Заблуждение о том, что немецкая архитектура — яркая, декорированная и барочная — противопоставлена советской архитектуре — серой, геометрической и скупой на детали — влияет на те представления о городах и регионе в целом, которые разделяют туристы и формируют экскурсоводы и экскурсионные бюро. Едва ли туристические буклеты порадуют туристов фотографиями знаменитого портового склада Петера Беренса на берегу Немана, по-

строенного в традиции функционализма. То же самое можно сказать об амбарах в Балтийске или о заброшенных немецких заводах. Брутальность и строгость формы и композиции не воспринимается как нечто, способное впечатлить гостей и даже жителей региона. Интерес к нестандартному и нетипичному наследию является нишевым, точечным, характерным для тех туристов и жителей региона, кто уже подготовлен — образовательно, профессионально — и увлечен историей и архитектурой:

> Занимаюсь экскурсиями ‹…› 10 лет ‹…›. И цель моего проекта была и есть раскрывать город для горожан, открывать малоизвестные, необычные места, труднодоступные. ‹…› Ко мне ходят на экскурсии ‹…› люди, которые уже, наверное, имеют некоторую базу историческую в плане искусства, вкуса, которым интересна именно архитектура, интересна микроистория людей, которые здесь жили ‹…› наверное, креативный кластер и представители вот таких творческих людей ко мне часто приходят. Либо если это взрослые люди, то это люди с образованием: либо с тематическим инженерным, связанным с индустриальным наследием, либо которые увлекаются искусством, антиквариатом[28].

Именно такие немецкие памятники, обделенные и забытые, сохраняют неприкосновенность культурных слоев и их выраженность, к которой тяготеют те, кто хочет увидеть аутентичную архитектуру города, его историческое звучание (*Рис. 5*). Вместе с тем, исключение памятников брутализма из широкой туристической и экскурсионной повестки зачастую обрекает их на медленное разрушение:

> Это уникальное такое место [на Балтийской косе], там куча этих немецких ангаров, это гигантские сооружения в уникальной природной среде, это именно как ансамбль, в связи с тем, что это была большая военная инфраструктура, у нее очень особенная, ярко выраженная архитектура. Из этого можно было бы сделать по-настоящему крутое место, туда хочется приезжать. Любой турист захотел бы побывать в таком месте, в котором чувствуется вот это... То, чего ты нигде больше не увидишь такого, это ты реально чувствуешь историю и Германии, и Второй мировой[29].

Попытки наладить диалог с инвесторами по вопросам реставрации тех или иных объектов чаще всего заканчиваются неудачей. По мнению активистов, бизнес не заинтересован в «непонятных» и «неокупаемых» культурных инициативах:

[28] М., 38 лет, частный экскурсовод, проживает в Калининграде.

[29] М., 41 год, не активист, проживал в Калининграде и Пионерском, последние три года живет в Германии.

Никто даже не пойдет в сферу этого опасного, непонятного, непредсказуемого культурного, потому что это ничего не принесет, и они сомневаются в том, что это окупается[30].

Рис. 5. Здание ложи «К трем патриархам» (1925–1926 годы, архитектор Эрих Мендельсон), город Советск. Фото Софьи Калинычевой
Fig. 5. Building of the lodge “To the three patriarchs” (1925–1926, architect Erich Mendelsohn), Sovetsk. Photo by Sofia Kalinycheva

К нишевым туристическим точкам притяжения можно отнести и руины. Общественная организация «Хранители руин»[31], нацеленная на заботу о руинах кирх и замков Калининградской области и о введении их в туристический оборот, разработала круговой экскурсионный маршрут по региону — «Готическое кольцо»[32], а также проводит отдельные экскурсии по руинам региона. Примечательно, что участники данной организации рассматривают руины как нечто законченное и цельное, не требующее реконструкции. Если популярные маршруты для туристов выстраиваются через облагороженные локации, экскурсии от «Хранителей руин» предполагают соприкосновение с руинированными объектами — как неплохо сохранившимися, так и утраченными до фундамента. При этом руина — это не просто музеефицированный объект, но и предмет постоянной заботы. Предлагая руину к осмотру, экскурсоводы-активисты также демонстрируют свои усилия по сохранению

[30] Ж., 40 лет, активистка, живет в Зеленоградске.
[31] https://ruin-keepers.ru/
[32] https://rg.ru/2023/04/05/progulka-po-ruinam.html

наследия, свою включенность и социальную природу памятника. Сегодня, когда руина уже не воспринимается исключительно как небрежность, которую лучше скрыть от чужих глаз, подобные инициативы могут встретить поддержку.

Наконец, еще одним подвидом нишевых экскурсий можно назвать экскурсии по городской повседневности. Немецкое наследие, в отличие от музейных артефактов, встроено в повседневный городской контекст. Речь идет не только о зданиях, но и о брусчатке, освещении, тротуарах и бордюрах, дверях и окнах, — всех элементах историко-архитектурного ландшафта.

Рис. 6. Экспозиция музея «Альтес Хаус» в Калининграде. Фото Софьи Калинычевой
Fig. 6. Exposition at the Altes House museum in Kaliningrad. Photo by Sofia Kalinycheva

С одной стороны, туристы передвигаются по городам, где не осталось носителей культуры, оставившей после себя материальное наследие. С другой стороны, ощущение жизни дарят именно повседневность и социальная сопричастность прошлому — именно поэтому яркую эмоциональную реакцию вызывают архивные видео и фото с живыми улицами едва ли знакомых городов и их призрачными обитателями. Поэтому локальную, нишевую популярность приобретают форматы экскурсий, которые позволяют проявиться этой сопричастности. Так, например, в музее «Альтес Хаус» экскурсоводы подробно рассказывают про быт Густава Гроссмана, вписанный в карту города (*Рис. 6*). Экскурсанты передвигаются по городу с невидимой фигурой зажиточного немца, проживают его день.

> Людям уже не так интересно там про всякие сражения, не так интересно про какие-то там доспехи, оружие. Людям интересно ‹…›, как жили простые люди 120–130 лет назад ‹…›. У нас недавно появился молодой человек, который как раз-таки расширил идею нашего музея на улицу. И он, как бы, рассказывает про то, куда бы мог Густав Гроссман, ну, бывший хозяин нашей квартиры, где музей. Вот, куда бы он, допустим, мог ходить, например, по улицам[33].

Именно вписанность памятников в повседневность, по словам Мишеля де Серто, делает из призрака интересное и живое наследие.

Таким образом, тематика экскурсий в определенной мере отражает текущий статус тех или иных объектов наследия. Представление о прошлом в формате туристического продукта можно расценивать как способ нормализации, категоризации и интерпретации культурного наследия.

Заключение

Проведенное исследование показало, что культурная апроприация проявляет себя в разнообразных практиках, при этом обнаружен ряд конфликтующих моделей восприятия немецкого наследия. Наследие, апроприированное местными жителями, нуждается, с одной стороны, в обновлении, а с другой стороны — в сохранении. При этом, по мнению городских активистов, важна не только форма, но и след времени, память, слоистость. Однако для значительной части горожан интерес к локальной истории и архитектурному своеобразию бывшей Восточной Пруссии остается слабовыраженным; их вполне устраивают решения в духе типовой реновации и стилизации, создающие эффект «обновленного», но обезличенного пространства.

В качестве туристического продукта наиболее востребованы отреставрированные и стилизованные объекты. Тем самым городские экскурсии продолжают ту линию апроприации культурного наследия, которая сводится к упрощению и адаптации историко-культурного контекста. Наиболее безопасным и удобным для восприятия стал экскурсионный контекст средневековой истории и фантазийного, декоративного города, где визуальная декорация нередко далека от реального историко-архитектурного контекста. Такая экзотизация немецкого наследия проявляется в стилизации «под Европу» и «средневековый готический город».

Наряду с упрощающими историко-культурный контекст региона моделями и практиками апроприации, существуют и другие нишевые сюжеты, которые развивают экскурсоводы, ориенти-

[33] Ж., 30 лет, активистка, сотрудница музея, живет в Калининграде.

рованные на достаточно узкую, скорее экспертную, аудиторию (преимущественно на жителей региона и людей, вовлеченных в изучение истории, архитектуры). Такие экскурсии и маршруты раскрывают менее популярные и более аутентичные культурные слои, насыщают нарративы не только героическими сюжетами и пикантными подробностями из жизни известных личностей, но и сложным прошлым региона, неоднозначными и дискуссионными историями, а также привлекают внимание к проблеме сохранности памятников. Экскурсии при этом становятся не только прогулкой по знакомым памятникам, но и социально вовлекающей практикой, знакомящей зрителей с повседневностью предшественников и современников, а также развивающей всестороннюю насмотренность зрителей, способность разглядеть красоту даже в частично сохранившемся и многократно перестроенном памятнике.

Сегодня именно коммодификация становится самой устойчивой формой апроприации немецкого наследия в Калининградской области. Туристская логика требует простоты и выразительности: прошлое должно быть «понятным» и визуально законченным, аутентичность — вторична, если она мешает убедительной картинке. В этой логике немецкое наследие переходит из зоны «трудного» прошлого в зону комфортного опыта, упакованного в образы «европейского города».

С начала 1990-х годов экскурсии стали главным механизмом такого превращения. Именно тогда восприятие городской среды начало определяться вопросом не «что здесь было», а «как это должно выглядеть». «Рыбная деревня» стала своего рода манифестацией этой логики: реконструкция, имитирующая немецкость, но не воспроизводящая подлинное прошлое, — попытка не столько вернуть, сколько придумать удобную версию «европейского» Калининграда [Sezneva 2013].

Туристический продукт, таким образом, выступает зеркалом современных стратегий апроприации: в нем наиболее явно проявляются изменения вкусов, представлений об аутентичности и способах «показать себя» внешнему наблюдателю. Через экскурсии немецкое наследие интегрируется в локальную идентичность, становясь и ресурсом, и декорацией нового городского мифа.

В анализе культурной репрезентации мы оставили за пределами своего внимания другие факторы, которые также могут влиять на отношение к немецкому наследию и на экскурсионные практики: в частности, экономические детерминанты (например, степень инвестиционной привлекательности объекта), политико-административные решения (трансформацию законодательства об охране объектов культурного наследия, влияние властных авторизованных дискурсов). Надеемся, что это станет направлениями будущих работ и исследований.

Литература

Алимпиева, А. В. (2014). Социальная идентичность в условиях культурного многообразия: поиск или навязывание? (на примере Калининградской области). *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология, 2014*(11), 60–66.

Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.

Бауман, З. (2018). Ретротопия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2018*(6), 435–442. https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.22

Белинцева, И. В. (2023). *Архитектура Восточной Пруссии*. Калининград: Живем.

Дементьев, И. О. (2012). «Рябинка у бойницы»: реабилитация довоенного прошлого в памяти калининградцев (1970-е–1980-е годы). *Acta Historica Universitatis Klaipedensis, 24*(2012), 92–118.

Дементьев, И. О. (2014). «Что я могу знать?»: формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х–1980-е годы). *ЛиТ. Исторический альманах, 2014*(6), 175–218.

Калинычева, С. Д. (2024). Критический поворот в изучении наследия: от властного дискурса к низовым практикам. *Интеракция. Интервью. Интерпретация, 16*(4), 10–24. https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.1

Калинычева, С. Д. (2025). *Культурная апроприация немецкого наследия Калининградской области: модели и практики*. Магистерская диссертация (на правах рукописи). М.: НИУ ВШЭ.

Костяшов, Ю. В., Маттес, Э. (2003). *Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание*. Калининград: Изд-во КГУ.

Лоуэнталь, Д. (2004). *Прошлое — чужая страна*. СПб.: Владимир Даль.

Люббе, Г. (2019). *В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Радченко, Д. А. (2021). С видом на Евросоюз: практики пограничья в Советске. *Фольклор и антропология города, 4*(1–2), 14–39. https://doi.org/10.22394/2658

Радченко, Д. А. (2023). Вещи на границе территорий памяти: между Тильзитом и Советском. *Этнографическое обозрение*, 6, 26–43. https://doi.org/10.31857/S0869541523060039

Ригль, А. (2018). *Современный культ памятников: его сущность и возникновение*. М.: ЦЭМ, V-A-C press.

Серто, М. де (2010). Призраки в городе. *Неприкосновенный запас, 2010*(70/2), 108–121.

Эко, У. (1994). Средние века уже начались. *Иностранная литература, 1994*(4), 258–267.

Alexander, J. C. (2004). Toward a theory of cultural trauma. In J. C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N. J. Smelser, P. Sztompka (Eds.). *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press.

Berger, S. (2012). A city and its pasts: Popular histories in Kaliningrad between regionalization and nationalization. In S. Berger, C. Lorenz, B. Melman (Eds.). *Popularizing national pasts: 1800 to the present*, 288–307. London, New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203182284

Halicka, B. (2020). *The Polish wild west: Forced migration and cultural appropriation in the Polish-German borderlands, 1945–1948*. London, New York: Routledge.

Hirsch, M. (2008). The generation of postmemory: Writing and visual culture after the Holocaust. *Poetics Today, 29*(1), 103–128.

Huck, C., Bauernschmidt, S. (2012). Trans-cultural appropriation. In C. Huck, S. Bauernschmidt (Eds.). *Travelling goods, travelling moods. Varieties of cultural appropriation (1850–1950)*, 229–251. Frankfurt, New York: Campus Verlag.

Lutz, H. (1990). Cultural appropriation as a process of displacing peoples and history. *Canadian Journal of Native Studies, 10*(2), 167–182.

Narvselius, E. (2018). Demonized, domesticated, virtualized: Fortification buildings as a case of Prussian heritage in present-day Kaliningrad. *Nationalities Papers, 46*(3), 400–421.

Rogers, R. A. (2006). From cultural exchange to transculturation: A review and reconceptualization of cultural appropriation. *Communication Theory, 16*(4), 474–503.

Sezneva, O. (2002). Living in the Russian present with a German past: The problems of identity in the city of Kaliningrad. In D. Crowley, S. Reid (Eds.). *Socialist Spaces in Eastern and Central Europe*, 47–64. London: Berg Publishers.

Sezneva, O. (2013). Architecture of descent: Historical reconstructions and the politics of belonging in Kaliningrad, the former Königsberg. *Journal of Urban History, 39*(4), 767–787.

Smith, L. (2006). *Uses of heritage*. London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203602263

Vengesayi, S., Mavondo, F., Reisinger, Y. (2009). Tourism destination attractiveness: Attractions, facilities, and people as predictors. *Tourism Analysis*, *14*(5), 621–636. https://doi.org/10.3727/108354209X12597959359211

References

Alexander, J. C. (2004). Toward a theory of cultural trauma. In J. C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N. J. Smelser, P. Sztompka (Eds.). *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press.

Alimpieva, A. V. (2014). Social identity in conditions of cultural diversity: search or imposition? (the case of Kaliningrad Oblast). *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, pedagogy, psychology, 2024*(11), 60–66. (In Russian).

Assman, A. (2014). *The long shadow of the past: memorial culture and historical politics.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Bauman, Z. (2018). Retrotopia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2018*(6), 435–442. https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.22 (In Russian).

Belintseva, I. V. (2023). *Architecture of East Prussia.* Kaliningrad: Zhivem. (In Russian).

Berger, S. (2012). A city and its pasts: Popular histories in Kaliningrad between regionalization and nationalization. In S. Berger, C. Lorenz, B. Melman (Eds.). *Popularizing national pasts: 1800 to the present*, 288–307. London, New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203182284

Certeau, M. de (2010). *Ghosts in the city.* Neprikosnovennyi zapas, 2010(70/2), 108–121. (In Russian).

Dement'ev, I. O. (2012). "A rowan by the loophole": rehabilitation of the prewar past in the memory of Kaliningrad residents (1970s–1980s). *Acta Historica Universitatis Klaipedensis, 24*(2012), 92–118. (In Russian).

Dement'ev, I. O. (2014). "What can I know?": formation of discourses about the past of Kaliningrad Oblast in the Soviet period (late 1940s–1980s). *LiT. Istoricheskii almanakh, 2014*(6), 175–218. (In Russian).

Eco, U. (1994). The Middle Ages have already begun. *Inostrannaia literatura, 1994*(4), 258–267. (In Russian).

Halicka, B. (2020). *The Polish wild west: Forced migration and cultural appropriation in the Polish-German borderlands, 1945–1948*. London, New York: Routledge.

Hirsch, M. (2008). The generation of postmemory: Writing and visual culture after the Holocaust. *Poetics Today, 29*(1), 103–128.

Huck, C., Bauernschmidt, S. (2012). Trans-cultural appropriation. In C. Huck, S. Bauernschmidt (Eds.). *Travelling goods, travelling moods. Varieties of cultural appropriation (1850–1950)*, 229–251. Frankfurt, New York: Campus Verlag.

Kalinycheva, S. D. (2024). The critical turn in heritage studies: from authoritative discourse to grassroots practices. *Interaction. Interview. Interpretation, 16*(4), 10–24. https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.1 (In Russian).

Kalinycheva, S. D. (2025). *Cultural appropriation of the German heritage of Kaliningrad Oblast: models and practices.* Master's thesis (manuscript). Moscow: HSE University. (In Russian).

Kostiashov, Yu. V., Mattes, E. (2003). *The expulsion of the Prussian spirit. Forbidden memory.* Kaliningrad: Kaliningradskij gosudarstvennyj universitet. (In Russian).

Lowenthal, D. (2004). *The past is a foreign country*. St. Petersburg: Vladimir Dahl. (In Russian).

Lübbe, G. (2019). *Keeping pace with time. The shortened stay in the present*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).

Lutz, H. (1990). Cultural appropriation as a process of displacing peoples and history. *Canadian Journal of Native Studies, 10*(2), 167–182.

Narvselius, E. (2018). Demonized, domesticated, virtualized: Fortification buildings as a case of Prussian heritage in present-day Kaliningrad. *Nationalities Papers, 46*(3), 400–421.

Radchenko, D. A. (2021). With a view to the European Union: borderland practices in Sovetsk. *Urban Folklore & Anthropology, IV*(1–2), 14–39. https://doi.org/10.22394/2658 (In Russian).

Radchenko, D. A. (2023). Objects on the boundary of memory territories: between Tilsit and Sovetsk. *Etnograficheskoe obozrenie, 2023*(6), 26–43. https://doi.org/10.31857/S0869541523060039 (In Russian).

Riegl, A. (2018). *The modern cult of monuments: its essence and origins*. Moscow: TsEM, V-A-C press. (In Russian).

Rogers, R. A. (2006). From cultural exchange to transculturation: A review and reconceptualization of cultural appropriation. *Communication Theory, 16*(4), 474–503.

Sezneva, O. (2002). Living in the Russian present with a German past: The problems of identity in the city of Kaliningrad. In D. Crowley, S. Reid (Eds.). *Socialist Spaces in Eastern and Central Europe*, 47–64. London: Berg Publishers.

Sezneva, O. (2013). Architecture of descent: Historical reconstructions and the politics of belonging in Kaliningrad, the former Königsberg. *Journal of Urban History, 39*(4), 767–787.

Smith, L. (2006). *Uses of heritage*. London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203602263

Vengesayi, S., Mavondo, F., Reisinger, Y. (2009). Tourism destination attractiveness: Attractions, facilities, and people as predictors. *Tourism Analysis*, *14*(5), 621–636. https://doi.org/10.3727/108354209X12597959359211